

ДИСПОЗИЦИОННЫЕ ПРЕДИКТОРЫ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ОМСКА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю.В. ПОТАПОВА^а, А.Ю. МАЛЕНОВА^а, А.А. МАЛЕНОВ^а

^а Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, 644077, Россия, Омск, проспект Мира, д. 55а

Dispositional Predictors of Migration Attitudes in Omsk Students: A Socio-Demographic Aspect

Yu. V. Potapova^a, A. Yu. Malenova^a, A. A. Malenov^a

^а Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation

Резюме

На фоне угрожающих темпов миграционной убыли населения в Омской области и ограниченности ресурсов, способных объективно удержать молодежь в регионе, усиливается необходимость анализа потенциальных факторов, связанных с предпосылками миграционного поведения молодежи с учетом ее социально-демографических характеристик. Изучались социально-демографические особенности связи миграционных установок с компонентами субъективного благополучия и жизнестойкости, с отношением к городу проживания, с оценкой миграционных установок

Abstract

Against the backdrop of alarming rates of migration population loss in the Omsk region and limited resources that can objectively retain youth in the region, there is an increasing need to analyze potential factors associated with the preconditions for the migration behavior of youth, taking into account their socio-demographic characteristics. The socio-demographic specifics of the relationships between migration attitudes and the components of subjective well-being, resilience, attitude towards the city of residence,

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-20375, <https://rscf.ru/project/22-28-20375/>, за счет гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области, Соглашение № 23-с.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) No. 22-28-20375, <https://rscf.ru/en/project/22-28-20375/>, by a grant in the form of a subsidy provided from the budget of the Omsk Region, Agreement No. 23-s.

близких у учащейся молодежи г. Омска. Выборку составили 313 школьников (56.2% девушек, 43.8% юношей) от 14 до 17 лет и 390 студентов (69.7% девушек и 30.3% юношей) от 18 до 22 лет. Использовались методы тестирования, анкетирования, однофакторного дисперсионного и регрессионного анализа. Выяснилось, что универсальными для миграционных установок предикторами в группах студентов и школьников являются низкая привязанность к городу и выраженные миграционные установки близких. В большинстве исследованных социально-демографических групп эти установки связаны с карьерной ориентацией на стабильность места жительства, с социально-нормативным и экзистенциально-деятельностным благополучием. Специфическими индивидуально-психологическими предикторами усиления миграционных установок учащейся молодежи Омска в подростковом возрасте являются высокие показатели вовлеченности у девушек, высокий уровень экзистенциально-деятельностного благополучия и карьерной ориентации на служение у юношей, в студенчестве — низкие показатели вовлеченности и ориентаций на предпринимательство, стабильность работы у девушек, выраженная карьерная ориентация на вызов у юношей. С учетом результатов, для каждой социально-демографической группы предложены направления профилактики миграционных рисков.

Ключевые слова: миграционные установки, школьники, студенты, девушки, юноши, благополучие, жизнестойкость, отношение к городу, карьерные ориентации.

Потапова Юлия Викторовна — доцент, кафедра общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: социальная психология, субъективное благополучие, городская идентичность, миграционные намерения. Контакты: kardova.jv@gmail.com

Маленова Арина Юрьевна — доцент, кафедра общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук, доцент.

and assessment of the migration attitudes of loved ones among Omsk students were studied. Sample: 313 schoolchildren (56.2% girls, 43.8% boys) from 14 to 17 years old and 390 students (69.7% girls and 30.3% boys) from 18 to 22 years old. Methods: testing, questionnaires, one-way analysis of variance and regression analysis. It was found that universal predictors for migration attitudes in groups of students and schoolchildren are low attachment to the city and expressed attitudes of loved ones about migration. In most of the studied socio-demographic groups, migration attitudes were associated with career orientation towards stability of place of residence, social-normative and existential-activity well-being. Specific individual psychological predictors of strengthening the migration attitudes in Omsk schoolchildren were high rates of involvement among girls, high levels of existential-activity well-being and career orientation toward service among boys, and in Omsk university students the significant factors were low rates of involvement, orientation toward entrepreneurship, and job stability among young women, expressed career orientation to challenge among young men. Taking into account the results, directions for preventing migration risks were proposed for each socio-demographic group.

Keywords: migration attitudes, schoolchildren, students, girls, boys, well-being, resilience, attitude to the city, career orientations.

Yulia V. Potapova — Associate Professor at the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Psychology. Research Area: social psychology, subjective well-being, urban identity, migration intentions. E-mail: kardova.jv@gmail.com

Arina Yu. Malenova — Associate professor at the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Psychology, Associate Professor.

Сфера научных интересов: психологическое благополучие, стресс и совладающее поведение, психология материнства, брачно-семейные установки, миграционное поведение.

Контакты: malyonova@mail.ru

Маленов Александр Александрович — доцент, кафедра общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психологическое образование, ресурсы личности, субъективное благополучие, миграционные установки.

Research Area: psychological well-being, stress and coping behavior, psychology of motherhood, marriage and family attitudes, migratory behavior.

E-mail: malyonova@mail.ru

Alexander A. Malenov — Associate Professor at the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Psychology.

Research Area: psychological education, personality resources, subjective well-being, migration attitudes.

E-mail: malyonov@mail.ru

Проблема миграции давно разрабатывается представителями социальных наук с позиции анализа массового поведения, каждый раз пополняясь актуальными данными в связи с расширением причин и факторов мобильности населения в XXI в. (Scherschel, Immerfall, 2021). Довольно часто миграционное поведение изучается в контексте внешней миграции (из одной страны в другую) в рамках кросс-культурных исследований социального контекста (Муращенкова, 2021; Ефременкова и др., 2023), одновременно поднимаются проблемы отношения местного населения к иммигрантам (Chen et al., 2022; Hatton, 2020; Haynes, Fotheringham, 2020; Drazanova, Dennison, 2018). Вместе с тем исследование обусловленности перемещений представителей больших социальных групп внутри одной страны имеет не меньшее значение, позволяя расширять список возможных предикторов миграционного поведения, преодолевая их локализацию в экономической сфере, представленную в многочисленных срезах (Нуруллина и др., 2020; Шагалкина и др., 2019; Половинко, Арбуз, 2018). Полагаем, что именно психологические, индивидуально варьирующие факторы, встречающиеся в анализах значительно реже (Зайков и др., 2018; Чернышева, Чжан, 2022), имеют особую значимость для регионов с высокими показателями оттока населения. Их учет и изучение позволит оказывать более эффективное влияние на управление миграционными рисками.

Молодежь выступает одной из масштабных социально-демографических групп, имеющих особую стратегическую ценность для государства. В силу возрастных особенностей эта группа отличается не только личностной и психической пластичностью, но и мобильностью (социальной, образовательной, географической и пр.), позволяя ее относить к потенциальным группам миграционного риска для тех регионов, в которых недостаточно ресурсов для удовлетворения потребности в самореализации, тогда как богатые ими области, напротив, выступают миграционно привлекательными, обеспечивая прирост населения (Савенцев и др., 2022). Одним из основных факторов смены места жительства молодыми людьми в период юности выступает стремление к получению или повышению уровня образования (Габдрахманов и др., 2019), создавая благоприятные и обоснованные условия для территориального перемещения.

По специфике и темпам образовательной миграции исследователи делят регионы на четыре типа:

1) высоко востребованные абитуриентами «регионы-магниты» (Москва и Санкт-Петербург), послевузовская миграция из которых невелика;

2) полярные им «регионы-экспортеры» (Тюменская и Курганская области, Республика Хакасия) с небольшим числом менее востребованных вузов и высокой послевузовской миграцией;

3) «замкнутые» регионы (Амурская область, Республика Дагестан, Забайкалье), в которых не слишком востребованы вузы, но их выпускники предпочитают после учебы трудиться в своем регионе;

4) «регионы-транзиты» с высокой долей востребованных вузов при высокой миграции после их окончания, «вымывающей» профессионально подготовленные кадры (Там же).

Именно к последнему типу относится Омская область, выступая в роли «образовательного транзита»: молодежь, окончив школу в Омске, предпочитает получать образование следующего уровня в других городах, а завершившие обучение в вузе — поступать в магистратуру и/или искать работу по специальности в других регионах страны. С 2015 г. Омск находится в ситуации угрожающего роста миграционной убыли. В 2018–2019 гг. эти показатели достигли своего пика: ежегодно из региона выбывало на 12 тыс. человек больше, чем прибывало. Отчет Омкстата показывает, что в 2022 г. миграционная убыль составила 9674 человека, 76% из этого потока — доля межрегиональной миграции¹. Приоритетными направлениями миграции омской молодежи являются Екатеринбург, Новосибирск, Тюмень, Москва, Санкт-Петербург (Половинко, Арбуз, 2018). Исследователи выделяют два пика миграции в молодости — в школьном и студенческом возрастах (Габдрахманов и др., 2019). Предполагаем, что эти этапы развития личности обладают специфическими особенностями уровня сформированности и направленности не только миграционных установок, но и их предикторов, в том числе индивидуально-психологических.

Анализ исследований миграционного поведения и теорий, претендующих на его объяснение, проведенный за рубежом, позволяет выделить несколько этапов в развитии данной темы (Czaika, Reinprecht, 2022; Chi et al., 2022). На первом из них преобладали идеи экономистов и географов, объясняющих формирование миграционных потоков с позиции так называемых теорий гравитации (например, идеи Е.Г. Равенштейна, Д. Каремера, Дж. Вандеркампа). Согласно этому подходу, на миграцию влияют в основном объективные экономико-географические факторы: концентрация предприятий (и, соответственно, рабочих мест) в крупных промышленных центрах привлекает туда новых жителей. Однако объяснить миграционное поведение исключительно экономическими факторами довольно сложно, нужен переход к более широкому контексту. А.-П. Плопяну и его коллеги утверждают, что, несмотря на кажущуюся очевидность экономической обусловленности миграционных

¹ URL: <https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migration-2022.xlsx>.

потоков, неэкономические факторы играют в принятии решения о миграции гораздо более серьезную роль (Ploeanu et al., 2018).

Для отдельного человека смена места жительства, особенно эмиграция, действительно выступает значимым событием биографического масштаба (Муращенкова, 2021), и это решение должно быть согласовано с его внутренними установками и личностными особенностями, т.е. обусловлено психологическими факторами. Именно они начали учитываться на втором этапе исследований миграционного поведения (например, в работах Е.С. Ли), связывая его с особенностями принятия решения о миграции, с оценкой помех, которые могут возникнуть на пути его осуществления, с отношением к настоящей и будущей территориям проживания. В настоящее время это направление развивает Л. Кэрон, рассматривая миграционные намерения как показатель качества отношений потенциальных мигрантов с актуальным и желаемым местом проживания (Caron, 2019). В России этот ракурс раскрывается в исследованиях миграционных установок, имеющих полиобъектный характер: одновременную направленность на оценку и потенциального, и реального мест проживания (Кузнецова и др., 2014; Кузнецова, 2018) — и отражающих готовность человека покинуть территорию прежнего проживания ради другой, где он хотел бы проживать (Зайков и др., 2018). Соотношение между позитивными и негативными оценками пунктов нахождения и назначения, как правило, влияет на принятие решения о миграции или оседлом образе жизни. Однако далеко не каждый неудовлетворенный своим местом жительства покидает его в поисках лучшей жизни: лишь 1/8 доля населения мира реально готовы воплотить свои миграционные планы в реальность (Czaika, Reinprecht, 2022).

Включение в изучение проблемы миграции психологических факторов ставит еще одну задачу: оценки их вклада в формирование реальной миграционной активности населения. В рамках теории запланированного поведения А. Айзена, активно поддерживаемой в зарубежной (Czaika, Reinprecht, 2022; Chi et al., 2022) и отечественной психологии (Ефременкова и др., 2023; Муращенкова, 2021), отмечается, что на принятие решения о миграции и вероятность его реализации влияют три вида убеждений: о поведении (вероятность того, что совершаемое действие приведет к желаемому результату), контроле (возможность субъекта влиять на исход событий) и нормативности (соответствие определенной культуре и мнению социального окружения — семьи, группы сверстников). Эти убеждения могут быть представлены в свернутой, имплицитной, а значит, не всегда осознаваемой форме, реализуясь в определенных временных границах на фоне контекста, созданного социально-демографическими (пол, возраст, образование), личностными (характер, опыт) и социально-культурными (религия, раса, этнос, культура) характеристиками (Ajzen, 2020).

Поскольку замысел настоящего исследования заключается в поиске и установлении связи миграционных установок (зависимая переменная) учащейся молодежи с индивидуально-психологическими характеристиками, за неимением возможности изучения всех потенциальных факторов требуется более четкое определение и обоснование последних. Основная гипотеза

допускает, что в качестве таковых могут выступать другие диспозиционные компоненты личности школьников и студентов. С опорой на имеющиеся исследования в контексте миграционной активности, в качестве потенциальных независимых переменных нами были определены субъективное благополучие, жизнестойкость, отношение к городу проживания, карьерные ориентации и оценка миграционных ожиданий близких.

Начнем с последних. Проецируя теорию запланированного действия (Ibid.) на анализ миграционных установок российской молодежи, следует отметить, что роль нормативных убеждений близких является достаточно обсуждаемой в отечественных исследованиях, что, возможно, обусловлено эмоциональной спецификой и структурой межпоколенческих связей семей в нашей стране (Крюкова и др., 2012; Сапоровская, 2014; Микляева, Постникова, 2019). С.А. Кузнецова с коллегами в качестве свойства миграционной установки выделяют ее полисубъектность, т.е. неотрывное влияние на нее мнения ближайшего окружения (Кузнецова и др., 2014; Кузнецова, 2018), что нашло отражение в разработанном ими психометрическом инструменте. Помимо измерения собственных миграционных установок респондента, шкала также оценивает его представление о миграционных намерениях близких и об их отношении к миграции самого респондента (Кузнецова и др., 2014), т.е., по сути, замеряет субъективное восприятие опрашиваемым ожиданий его социального окружения. Выделены и возрастные особенности этой связи: позиция близких в решении вопроса о переезде более значима для старших школьников, ориентированных на поступление в вуз, чем для студентов в поиске подходящего места работы (Там же).

Помимо зависимости миграционных установок и намерений от возраста, учебного статуса и социального окружения потенциальных молодых мигрантов, имеющиеся данные отсылают и к их гендерным характеристикам. Так, в ряде современных отечественных исследований доказано, что юноши, несмотря на проявление готовности к переезду, более склонны к оседлому образу жизни, тогда как девушки чаще эти намерения действительно реализуют (Маленова и др., 2022; Потапова и др., 2023). При этом и те и другие могут иметь свой индивидуальный набор критериев для оценки своего благополучия на определенной территории проживания, которое, в свою очередь, рассматривается не только как устойчивое психологическое образование (Ryff, 1989), но и как динамическое состояние оценки и усвоения нормативных и ценностно-смысловых представлений об окружающей среде и удовлетворенности жизнью в ней (Шамионов, 2014), т.е., по сути, является интериоризированной системой установок. Это, в свою очередь, позволяет выйти на вопрос о степени функциональной (оценка среды как источника удовлетворения базовых потребностей, ее соответствия условиям, необходимым для реализации интересов и осуществления деятельности) и эмоционально-смысловой (удовлетворение социальных, коммуникативных и экзистенциальных потребностей, осознание личностью собственной ценности в сообществе) привязанности человека к его среде обитания как установленной им субъективной связи с местом проживания (Резниченко и др., 2016).

Анализируя результаты исследований факторов субъективного благополучия молодежи, Р.М. Шамионов также утверждает, что среди них можно выделить уверенность в своем профессиональном выборе, четко обозначенную профессиональную идентичность, социальную активность и включенность в виды деятельности, способствующие полноценной самореализации и достижению поставленных целей (Shamionov, 2023). Ориентируясь на этот результат, можно заключить, что в круг факторов миграции могут попадать и карьерные ориентации молодежи как частный случай целей, к которым человек может стремиться, совершая профессиональный выбор (Чикер, 2004). И если на студенческой выборке есть исследования данного феномена (Кожевина, 2017; Ефремкина, 2018; и др.), в том числе в контексте миграционных намерений (Ефременкова, 2022), то у будущих абитуриентов их измеряют крайне редко (Пучкова и др., 2019; Петрова, 2022), несмотря на значимость карьерной адаптивности в структуре регулятивных предикторов определенности и устойчивости профессиональных планов у подрастающего поколения (Кондратюк и др., 2023).

В свою очередь, убеждения о контроле и риске в ситуации миграции, выделяемые А. Айзенем (Ajzen, 2020), могут быть связаны с жизнестойкостью личности, поскольку такое биографически значимое событие невозможно без приложения дополнительных усилий. Жизнестойкость понимается С. Мадди как система убеждений о себе, мире, отношениях с ним, которая позволяет человеку выдерживать и эффективно преодолевать стрессовые ситуации и включает такие параметры, как вовлеченность, контроль и принятие риска (Наливайко, 2006). Жизнестойкость также связана и с благополучием личности, стимулируя заботу о нем через конструктивную оценку трудной ситуации, убежденность человека в своих совладающих способностях, в том числе в новых жизненных обстоятельствах (Леонтьев, Рассказова, 2006). Так, в исследовании Чи Цзинь выявлено, что миграционные намерения студентов, решивших мигрировать в города «первого уровня», в которых есть множество успешно развивающихся организаций и современных предприятий, не ослабляются под воздействием информации о высоком темпе жизни и чрезмерной нагрузке на работе, если эти намерения достаточно сильны и связаны с ведущими ценностями человека (Chi et al., 2022). Смысл миграции перекрывает собой возникающие трудности, и гипотетически жизнестойкость может быть связана с тем, что миграционные установки людей будут повышаться. Впрочем, вероятно и обратное: готовность оставаться в месте, где ресурсов для развития недостаточно, также требует личностных оснований для преодоления ограничений среды и своих собственных. Эти предположения требуют проверки, как и выделение особенностей связи миграционных установок с уровнем благополучия, карьерных ориентаций и отношением молодого человека к месту своего проживания в качестве потенциальных предикторов, чему и посвящено наше исследование. Его целью выступает изучение взаимосвязи заявленных диспозиционных характеристик и миграционных установок учащейся молодежи в зависимости от ее социально-демографических особенностей. Ключевые исследовательские вопросы следующие: каков уровень миграционных

установок у омской молодежи (девушек и юношей школьного и студенческого возраста) и существует ли специфика его предикции со стороны субъективного благополучия, жизнестойкости, карьерных ориентаций, привязанности к городу и миграционных ожиданий их близких?

Метод

В исследовании приняли участие 703 обучающихся разных учебных заведений г. Омска, из них 313 школьников (56.2% девушек, 43.8% юношей) от 14 до 17 лет ($M = 15.4$, $SD = 1.4$) (имеется согласование с администрацией СОШ, получены информированные согласия от самих респондентов и их родителей на участие в социально-психологическом исследовании) и 390 студентов (69.7% девушек и 30.3% юношей) от 18 до 22 лет ($M = 19.9$, $SD = 3.02$).

Методы сбора данных — анкетирование (для анализа социально-демографических характеристик опрашиваемых) и тестирование.

Методический инструментарий составили следующие шкалы, опросники и тесты:

1. «Шкала миграционных установок личности» С.А. Кузнецовой, И.Ю. Кузнецова и А.В. Фещенко (Кузнецова и др., 2014). Оцениваемые факторы: 1) миграционные установки самого респондента; 2) миграционные установки близких, с точки зрения респондента; 3) оценка респондентом отношения близких к его миграции.

2. «Диагностика субъективного благополучия личности» Р.М. Шамионова и Т.В. Бесковой (Шамионов, Бескова, 2018). Оцениваемые факторы (компоненты): 1) эмоциональное благополучие (присутствие в жизни позитивных переживаний); 2) экзистенциально-деятельностное благополучие (прилагаемые усилия для достижения событийно-смысловой насыщенности жизни); 3) эго-благополучие (самосогласованность личности, удовлетворенность собой, уверенность в себе); 4) гедонистическое благополучие (степень удовлетворения базовых потребностей в безопасности, условиях, необходимых для жизни); 5) социально-нормативное благополучие (соответствие жизни социальным нормам и нравственным ценностям, их интериоризация).

3. «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой (Леонтьев, Рассказова, 2006). Оцениваемые факторы (компоненты): 1) вовлеченность (удовольствие от совершаемой деятельности, обнаружение значимости жизни благодаря ей); 2) контроль (убежденность в своих силах влиять на результат деятельности); 3) принятие риска (готовность действовать при отсутствии гарантий успеха, ориентация на развитие благодаря приобретению и использованию разных знаний и опыта).

4. «Опросник привязанности к дому» С.И. Резниченко, С.К. Нартовой-Бочавер и В.Б. Кузнецовой (Резниченко и др., 2016) в модификации А.Ю. Маленовой и Ю.В. Потаповой («Опросник отношения к городу»). Оцениваются влияющие на поведение человека его эмоциональное отношение к месту жительства и степень его близости.

5. «Методика изучения мотивации профессиональной карьеры» («Якоря карьеры») Э. Шейна (в адаптации В.Э. Винокуровой и В.А. Чикер) (Чикер, 2004). Оцениваемые карьерные ориентации: 1) профессиональная компетентность (стремление к развитию и реализации имеющихся способностей и талантов в определенной области, достижению высокого уровня мастерства); 2) менеджмент (направленность на управление, интеграцию усилий других людей, стремление к власти, руководящим должностям); 3) автономия (потребность в независимости и свободе действий, преодолении организационных правил, предписаний и ограничений); 4) стабильность (потребность в безопасности, предсказуемости жизненных событий, постоянстве) места работы (ориентация на карьеру в организации, заботящейся о своих сотрудниках, гарантирующей им трудовой стаж, надежный доход, репутацию, поддержку) и места жительства (ориентация на «укорененность», стремление к построению карьеры в конкретном регионе, ценность определенной географической местности, связь с ней); 5) служение (ориентация на общество и других людей, помощь им, стремление приносить пользу, улучшать окружающую среду и жизнь в ней); 6) вызов (значимость в деятельности конкуренции, борьбы, преодоления препятствий, решения трудных задач, ценность успеха, выигрыша, победы над другими и обстоятельствами); 7) интеграция стилей жизни (стремление к согласованности, балансу различных сторон жизни и осуществляемых видов деятельности, гармоничному соотношению карьеры и личной жизни); 8) предпринимательство (стремление к созданию нового, своего, максимальная самореализация в деле, отождествление себя с выполняемой деятельностью).

В число методов математической обработки вошли первичные описательные статистики, однофакторный дисперсионный анализ с тестом Таймхена и регрессионный анализ (линейная регрессия методом исключения).

Результаты

В первую очередь мы сравнили миграционные установки в рассмотренных социально-демографических группах и получили значимые различия ($F = 5.14$, $p \leq 0.01$): средние значения были выше у школьниц ($M = 57.4$, $SD = 16.9$) и школьников ($M = 54.3$, $SD = 14.7$) и ниже у студенток ($M = 52.8$, $SD = 14.7$) и студентов ($M = 50.9$, $SD = 12.9$). Апостериорный тест Таймхена выявил значимые отличия миграционных установок школьниц от студенток ($p \leq 0.05$) и студентов ($p \leq 0.01$), остальные группы значимо не отличались друг от друга. Нормирование по выборке показало, что во всех социально-демографических группах средние значения миграционных установок находятся в границах среднего уровня.

По результатам диагностики и их статистической обработки построены четыре регрессионные модели для каждой группы молодежи в зависимости от ее социально-демографических особенностей. Самый высокий коэффициент детерминации собственных миграционных установок со стороны определенных нами независимых переменных наблюдается в группе девушек-школьниц,

средний и примерно равный — в группах девушек-студенток и юношей-школьников, а самый низкий — у юношей-студентов (см. таблицу 1).

Раскроем значимые для формирования миграционных установок школьниц и школьников предикторы, включенные в уравнение регрессии (см. таблицы 2 и 3).

Таблица 1

Характеристики регрессионных моделей собственных миграционных установок омской молодежи разных социально-демографических групп

Социальная группа	Демографическая группа	R^2	F	p
Школьники	Девушки	0.70	46.49	0.001
	Юноши	0.64	38.30	0.001
Студенты	Девушки	0.67	53.08	0.001
	Юноши	0.49	21.97	0.001

Таблица 2

Предикторы формирования миграционных установок школьниц

Независимые переменные	B	β	p
(Константа)	57.622		0.000
Вовлеченность	0.233	0.157	0.019
Экзистенциально-деятельностное благополучие	-4.342	-0.165	0.017
Карьерная ориентация на менеджмент	0.761	0.098	0.039
Карьерная ориентация на стабильность места жительства	-2.357	-0.287	0.000
Привязанность к городу	-4.933	-0.253	0.000
Установки близких о миграции респондента	0.610	0.544	0.000

Таблица 3

Предикторы формирования миграционных установок школьников

Независимые переменные	B	β	p
(Константа)	34.594		0.000
Экзистенциально-деятельностное благополучие	3.013	0.149	0.049
Социально-нормативное благополучие	-3.201	-0.144	0.047
Карьерная ориентация на стабильность места жительства	-1.322	-0.193	0.001
Карьерная ориентация на служение	0.915	0.128	0.038
Привязанность к городу	-4.733	-0.305	0.000
Установки близких о миграции респондента	0.687	0.575	0.000

Если у подростков разного пола в качестве предикторов выступили по шесть переменных, то в студенческом возрасте количество значимых связей у девушек оказалось больше, чем у юношей (см. таблицы 4 и 5).

Таким образом, миграционные установки представителей изучаемых групп обусловлены разным сочетанием их индивидуально-психологических характеристик. Исключением выступает лишь уровень привязанности к городу, снижающий во всех случаях миграционные установки. Еще одним универсальным предиктором служат фиксируемые опрашиваемыми миграционные установки близких, усиливающие стремление респондентов покинуть родной город: студенты ориентируются на оценку того, хотят ли мигрировать их близкие, а все остальные группы учитывают мнение близких о необходимости миграции самих респондентов. Часто встречаемыми, хотя и неоднозначно связанными с зависимой переменной предикторами (характерными для трех из четырех групп) являются экзистенциально-деятельностное и социально-нормативное благополучие, карьерная ориентация на стабильность места

Таблица 4

Предикторы формирования миграционных установок студентов

Независимые переменные	B	β	p
(Константа)	9.636		0.049
Вовлеченность	-0.130	-0.084	0.046
Социально-нормативное благополучие	2.592	0.095	0.027
Карьерная ориентация на менеджмент	1.379	0.191	0.000
Карьерная ориентация на стабильность места работы	-0.980	-0.124	0.004
Карьерная ориентация на стабильность места жительства	-0.544	-0.081	0.036
Карьерная ориентация на предпринимательство	-0.961	-0.136	0.007
Привязанность к городу	-2.013	-0.132	0.001
Установки близких о миграции респондента	0.729	0.651	0.000

Таблица 5

Предикторы формирования миграционных установок студентов

Независимые переменные	B	β	p
(Константа)	25.575		0.003
Экзистенциально-деятельностное благополучие	-5.053	-0.244	0.011
Социально-нормативное благополучие	4.035	0.168	0.046
Карьерная ориентация на вызов	1.292	0.178	0.018
Привязанность к городу	-3.266	-0.244	0.001
Миграционные установки близких	0.599	0.538	0.000

жительств (нехарактерная лишь для выборки студентов). Наиболее специфические результаты (как по качеству, количеству, так и по направленности связи) были обнаружены в отношении прогноза миграционных установок со стороны карьерных ориентаций обучающихся разного пола и возраста: ориентация на вызов проявилась у студентов, на предпринимательство — у студентов, на служение — у школьников, при этом установка на менеджмент в контексте миграционных намерений свойственна девушкам, а не юношам. Противоречивым оказалось действие вовлеченности на миграционные установки девушек разного возраста. Различия в результатах подтверждают оправданность поиска предикторов в отдельных социально-демографических группах, а не по всей выборке в целом. Вместе с тем необходимо констатировать, что есть миграционные признаки, объединяющие молодежь, находящуюся на разных ступенях образования.

Обсуждение результатов

Полученные нами результаты подтвердили, что диспозиционные характеристики личности, с одной стороны, уже отличаются относительной устойчивостью в подростковом и юношеском возрасте, позволяя их замерять (Маенкова, 2021; Лепехин и др., 2023), с другой — обладают подвижностью, создавая условия для оказания направленных воздействий с целью профилактики миграционных рисков. При этом на формирование последних у школьников и студентов особое влияние оказывает оценка молодыми людьми миграционных установок, свойственных ближайшему социальному окружению (Кузнецова и др., 2014), об этом же косвенно свидетельствует и их прямая связь с социально-нормативным благополучием и неоднородная — с экзистенциально-деятельностным (Бохан и др., 2021; Самохвалова и др., 2022). В свою очередь, ориентация молодежи при построении карьеры на более благоприятные условия жизни согласуется с ее достаточно высокой территориальной мобильностью (Кожевина, 2017; Ефремкина, 2018), а также соответствует присущей молодым людям низкой привязанности к месту проживания, особенно в регионах с негативной городской идентичностью (Рыбаковский, 2022; Савенцев и др., 2022).

Вместе с тем использование относительно нового инструментария, а также сочетание выбранных для оценки диспозиционных конструкторов позволили выявить с их стороны специфическую предикцию миграционных установок у представителей разных групп учащейся молодежи Омска, определяя не только их психологический портрет, но и возможности целевой превенции миграционных намерений.

Для обобщения и облегчения понимания данных мы представим их в виде схемы, где конкретные предикторы миграционных установок соотнесены с социально-демографическими группами (расположение в пространстве рисунка), а также указано направление их влияния (повышение или понижение) на зависимую переменную (стрелка, направленная вверх/вниз) (см. рисунок 1).

Предикторы миграционных установок в разных социально-демографических группах омской молодежи

Для всех групп выделились два универсальных противоположно направленных предиктора: привязанность к городу снижает миграционные установки, а представление о выраженных установках близких о миграции — повышает. Можно считать, что данные предикторы являются ключевыми для принятия решения о миграции, хотя сила влияния привязанности к городу все же выше. Таким образом, принимая решение о переезде, омская молодежь учитывает мнение ближайшего социального окружения, но все же ориентируется на собственные представления о малой родине.

Во всех группах, кроме студентов-юношей, карьерная ориентация на стабильность места жительства снижает стремление переехать. Группы студентов разного пола объединяет влияние социально-нормативного благополучия, которое усиливает их стремление мигрировать. Вероятно, позитивная оценка со стороны окружающих способствует формированию уверенности и готовности приложить свои силы для построения карьеры в другом городе. У школьников-юношей социально-нормативное благополучие, напротив, снижает стремление к миграции. Вероятно, позитивная оценка близких пока не способна сформировать настрой на миграцию и выступает лишь фактором удовлетворенности отношениями с ними, а значит, способствует тому, что окружение воспринимается как более безопасное и комфортное, что не помогает формированию миграционных планов. Воздействие экзистенциально-деятельностного благополучия на миграционные установки школьников разнонаправленно: для девушек понимание того, что они делают достаточно в плане достижения своих целей, снижает желание мигрировать, а у юношей, напротив, повышает его. Возможно, цели, которые ставят себе юноши, более масштабны и связаны с экспансией в другие регионы (при этом на такой шаг

настроены самые уверенные в том, что они способны достигать поставленных целей), а девушки с высоким экзистенциально-деятельностным благополучием понимают, что могут реализоваться и в собственном городе. Вероятно, в школьном возрасте для девочек миграция выступает способом компенсации неуверенности в своих способностях по достижению поставленных целей, а для мальчиков — следствием, напротив, высокой оценки своих сил. Однако у студентов-юношей экзистенциально-деятельностное благополучие связано с миграционными установками отрицательно, т.е. более готовы к переезду те, кто низко оценивает свои достижения и, возможно, считает, что в новых условиях не будет барьеров для их самореализации. Подобная метаморфоза отношений экзистенциально-деятельностного благополучия и миграционных установок при переходе от школьного возраста к студенческому, скорее всего, связана с более выраженным в этот период конкурентным столкновением молодых мужчин.

Влияние вовлеченности на миграционные установки девушек разного возраста противоположно: у школьниц включение в активную и интересную им деятельность повышает миграционные установки, а у студенток — снижает их. Возможно, активность школьниц связана с внеучебной, общественной деятельностью, с участием в олимпиадах, с поездками в другие города. Подобный опыт позволяет сравнивать разные регионы, опосредованно формируя стремление к дальнейшей мобильности. У студенток вовлеченность может быть обусловлена иными аспектами. Возможно, фокус внимания смещается в ней с учебно-профессиональной деятельности на межличностные отношения, карьеру, и если есть возможность реализовать себя в родном регионе, то студентки не стремятся к тому, чтобы из него уезжать. Более однозначное для обеих женских групп влияние демонстрирует карьерная ориентация на менеджмент, усиливающая стремление мигрировать туда, где, по мнению девушек, больше возможностей занять руководящую должность. При этом направленность на предпринимательство у студенток, напротив, снижает их миграционные намерения, как и ориентация на стабильность работы: возможно, девушки, стремящиеся создать собственное дело, понимают, что больше поддержки получают в родном городе, а те, кто хочет стабильной работы, может считать, что в иных городах они столкнутся с более жесткой конкуренцией. Подобного рода ситуаций не боятся юноши с высокими миграционными установками: у них карьерная ориентация на вызов весьма высока. Такое экспансивное поведение весьма характерно для мужского взгляда на мир. Можно предположить, что эта карьерная ориентация — лишь преобразованная направленность на служение, более идеализированная во взглядах мальчиков-школьников и тоже являющаяся специфичным для этой группы предиктором усиления миграционных установок.

Выводы

Обобщая полученные результаты, можно сформулировать ряд выводов:

1. Вместе с возрастными и гендерными особенностями связи индивидуальных психо-психологических характеристик и миграционных установок учащейся

молодежи существуют диспозиционные предикторы, не зависящие от пола, возраста и статуса обучающихся, имеющие инвариантный характер для школьников и студентов Омска. К числу таких предикторов относятся высокий уровень оценок респондентами степени поддержки их миграционных установок со стороны их близких при низкой привязанности к городу проживания.

2. Школьники обоего пола в большей степени настроены на реализацию миграционных намерений. Значимо сильнее прочих групп это демонстрируют девушки-школьницы. Студенты чаще готовы к миграции, если они обладают высоким социально-нормативным благополучием. Девушки обеих возрастных групп готовы к миграции при стремлении к осуществлению менеджерских функций, что подчеркивает тренды современного общества на самореализацию женщин в разных сферах жизни, прежде всего социальной и профессиональной.

3. Специфическими индивидуально-психологическими предикторами миграционных установок учащейся молодежи разных демографических групп являются высокие показатели вовлеченности при низком экзистенциальном благополучии у девушек-школьниц; высокий уровень карьерной ориентации на служение и высокий уровень экзистенциально-деятельностного (и, напротив, низкий — социально-нормативного) благополучия у юношей-школьников; недостаточные вовлеченность, ориентации на предпринимательство и стабильность работы у девушек-студенток; выраженная карьерная ориентация на вызов и низкое экзистенциально-деятельностное благополучие у юношей-студентов.

В связи с имеющимися ограничениями исследования его вероятными перспективами нам видится расширение возможных индивидуально-психологических предикторов миграционных установок молодежи за счет включения других личностных и диспозиционных составляющих. В определенной степени это обусловлено тем, что не все предполагаемые факторы будущей миграционной активности молодежи «сработали» в качестве таковых (в частности, жизнестойкость), тогда как проявились потенции в этой области (самооценки, уровня притязаний, мотивации достижения и аффилиации). Интраперсональный характер исследования также настоятельно требует усиления интерперсональным — установления связи между миграционными установками респондентов с реальными ожиданиями их близкого окружения. Следует расширить возрастные границы выборки, дополнив ее работающей молодежью, а также границы территориальные, сопоставив получаемые данные с данными по регионам с похожей и отличающейся миграционной ситуацией. Отдельным направлением исследований должно стать изучение (возможно, с разработкой соответствующего инструментария) отношения молодежи к своему городу, а также поиск обуславливающих его причин. Вместе с тем полученные результаты имеют прикладной характер и могут быть полезны для адресной профилактики роста миграционных установок омской молодежи (с учетом социально-демографических характеристик), связанной с ее активным вовлечением в разнообразные проекты и мероприятия регионального

значения, с раскрытием потенциала области и города, с формированием позитивного отношения к территории проживания и одновременной работой со старшим поколением, которое, возможно, расценивает переезд в другие города как единственную возможность для самореализации своих детей, закрепляя у них тем самым миграционные намерения.

Литература

- Бохан, Т. Г., Ульянич, А. Л., Терехина, О. В., Видякина, Т. А., Галажинский, Э. В. (2021). Особенности субъективного благополучия студентов в условиях образовательной миграции. *Социальная психология и общество*, 12(1), 59–76. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120105>
- Габдрахманов, Н. К., Никифорова, Н. Ю., Лешуков, О. В. (2019). «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ.
- Ефременкова, М. Н. (2022). Карьерные ориентации как предикторы миграционных намерений личности. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития»*, 11(1), 46–56. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-1-46-56>
- Ефременкова, М. Н., Муращенкова, Н. В., Гриценко, В. В., Стельмах, С. А., Бурдина, Е. И. (2023). Представления о настоящем и будущем страны как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи: кросс-культурный анализ. *Социальная психология и общество*, 14(1), 111–131. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140107>
- Ефремкина, И. Н. (2018). Исследование динамики карьерных ориентаций, учебной мотивации, их взаимосвязи у студентов-бакалавров как условия формирования готовности к профессиональной мобильности. *Перспективы науки и образования*, 2(32), 175–180.
- Зайков, К. С., Каторин, И. В., Тамицкий, А. М. (2018). Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 11(3), 230–247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>
- Кожевина, А. П. (2017). Динамика карьерных ориентаций студентов в процессе профессионального обучения. *Психология в экономике и управлении*, 9(2), 63–73. [https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9\(2\).63-73](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9(2).63-73)
- Кондратюк, Н. Г., Бурмистрова-Савенкова, А. В., Моросанова, В. И. (2023). От чего зависят профессиональные планы старших школьников. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 20(3), 500–522. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-500-522>
- Крюкова, Т. Л., Гущина, Т. В., Сапоровская, М. В., Петрова, Е. А. (2012). *Психология межпоколенных отношений: конфликты и ресурсы*. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова.
- Кузнецова, С. А. (2018). Временные перспективы и миграционные установки магаданских студентов на разных этапах обучения. *Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика»*, 1, 67–78. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78>
- Кузнецова, С. А., Кузнецов, И. Ю., Фещенко, А. В. (2014). Разработка шкалы миграционных установок личности. *Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика»*, 1, 83–90.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения*. М.: Смысл.

- Лепехин, Н. Н., Круглов, В. Г., Круглова, М. А., Тихомирова, Н. В., Яшина, М. А. (2023). Диспозиционные предикторы конфликтоустойчивости студентов. *Социальная психология и общество*, 14(1), 92–110. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140106>
- Маенкова, А. Д. (2021). Диспозиционные предикторы коррупционного поведения в старшем школьном возрасте. В кн. *Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2021: Сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, Новосибирск, 17–18 марта 2021 года (с. 229–235). Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет.
- Маленова, А. Ю., Потапова, Ю. В., Маленов, А. А., Потапов, А. К. (2022). Социально-демографический портрет омских школьников с разным типом миграционных установок. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, 20(3), 127–139. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(3\).127-139](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(3).127-139)
- Микляева, А. В., Постникова, М. И. (2019). Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи. *Социальная психология и общество*, 10(2), 114–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100209>
- Муращенкова, Н. В. (2021). Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска. *Социальная психология и общество*, 12(1), 77–93. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106>
- Наливайко, Т. В. (2006). К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди. *Вестник интегративной психологии: журнал для психологов*, 4, 211–216.
- Нуруллина, А. Р., Никифоров, С. А., Попова, Н. М., Шевченко, И. Г. (2020). Миграционные установки студентов медицинских вузов. *Modern Science*, 12(3), 185–190.
- Петрова, Ю. В. (2022). Карьерные ориентации и определенность профессионального выбора у подростков с разным уровнем интернет-аддикции. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 11(2А), 72–81. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.18.69.048>
- Половинко, В. С., Арбуз, А. В. (2018). Миграционные установки населения в контексте регионального рынка труда. *Journal of New Economy*, 19(1), 38–50.
- Потапова, Ю. В., Маленова, А. Ю., Маленов, А. А., Потапов, А. К. (2023). Гендерные особенности миграционных установок одаренных омских школьников с разным уровнем жизнестойкости и субъективного благополучия. *Психологическая наука и образование*, 28(1), 112–121. <https://doi.org/10.17759/pse.2023280106>
- Пучкова, Е. Б., Темнова, Л. В., Сорокоумова, Е. А., Курносова, М. Г. (2019). Взаимосвязь ценностей и карьерных ориентаций современных подростков. *Психологическая наука и образование*, 24(5), 27–36. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240503>
- Резниченко, С. И., Нартова-Бочавер, С. К., Кузнецова, В. Б. (2016). Метод оценки привязанности к дому. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(3), 498–518.
- Рыбаковский, О. Л. (2022). *Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет*. М.: ФНИСЦ РАН.
- Савенцев, Г. В., Флаот, Н. С., Егоров, Д. В., Казанцев, Д. А. (2022). Факторы миграционного прироста в регионах России на современном этапе. *Социальные и гуманитарные знания*, 8(2), 162–177. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177>
- Самохвалова, А. Г., Шипова, Н. С., Тихомирова, Е. В., Вишневская, О. Н. (2022). Психологическое благополучие современных студентов: типология и мишени психологической помощи. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(1), 29–48. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300103>

- Сапоровская, М. В. (2014). *Психология межпоколенных отношений в семье*. М.: Национальный книжный центр.
- Чернышева, Н. С., Чжан, Ю. (2022). Молодежная миграция в России: обзор дискуссий. *Социологические исследования*, 11, 135–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3>
- Чикер, В. А. (2004). *Психологическая диагностика организации и персонала*. СПб.: Речь.
- Шагалкина, М. В., Латуха, М. О., Мицкевич, Е. А., Строгеецкая, Е. В. (2019). Факторы миграционных намерений талантливых выпускников ведущих вузов России. *Российский журнал менеджмента*, 17(4), 445–466.
- Шамионов, Р. М. (2014). Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности. *Психологический журнал*, 35(4), 68–81.
- Шамионов, Р. М., Бескова, Т. В. (2018). Методика диагностики субъективного благополучия личности. *Психологические исследования*, 11(60), 8. <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Ajzen, I. (2020). The theory of planned behavior: Frequently asked questions. *Human Behavior and Emerging Technologies*, 2(4), 314–324. <https://doi.org/10.1002/hbe2.195>
- Bokhan, T. G., Ul'yanich, A. L., Terekhina, O. V., Vidyakina, T. A., & Galazhinskiy, E. V. (2021). The features of subjective well-being among students in the conditions of educational migration. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(1), 59–76. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120105> (in Russian)
- Caron, L. (2019). An intergenerational perspective on (re)migration: Return and onward mobility intentions across immigrant generations. *International Migration Review*, 3(54), 820–852. <https://doi.org/10.1177/0197918319885646>
- Chen, Y., Sack, H., & Alam, M. (2022). Analyzing social media for measuring public attitudes toward controversies and their driving factors: a case study of migration. *Social Network Analysis and Mining*, 12, Article 135. <https://doi.org/10.1007/s13278-022-00915-7>
- Chernyshyova, N. S., & Zhang, Yu. (2022). Approaches to the studying youth migration in Russia: Reviewing discussions. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 11, 135–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3> (in Russian)
- Chi, J., Bo, L., Jansen, S. J. T., Boumeester, H. J. F. M., & Boelhouwer, P. J. (2022). What attracts young talents? Understanding the migration intention of university students to first-tier cities in China. *Cities*, 128, Article 103802. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103802>
- Chiker, V. A. (2004). *Psikhologicheskaya diagnostika organizatsii i personala* [Psychological diagnostics of the organization and personnel]. Saint Petersburg: Rech'.
- Czaika, M., & Reinprecht, C. (2022). Migration drivers: Why do people migrate? In P. Scholten (Ed.), *Introduction to migration studies. IMISCOE Research Series* (pp. 49–82). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92377-8_3
- Drazanova, L., & Dennison, J. (2018). *Public attitudes on migration: rethinking how people perceive migration. An analysis of existing opinion polls in the Euro-Mediterranean region* [Technical report]. European Union.

- https://www.researchgate.net/publication/346975152_Public_attitudes_on_migration_rethinking_how_people_perceive_migration
- Efremenkova, M. N. (2022). Career orientations as predictors of migration intentions of the individual. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya "Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya" [Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology]*, 11(1), 46–56. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-1-46-56> (in Russian)
- Efremenkova, M. N., Murashcenkova, N. V., Gricenko, V. V., Stelmakh, S. A., & Burdina, E. I. (2023). Perceptions of the present and future of the country as a factor of the emigration activity of student youth: cross-cultural analysis. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 14(1), 111–131. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140107> (in Russian)
- Efremkina, I. N. (2018). The study of the dynamics of career orientations, educational motivation, their interrelations among bachelor students as the conditions for forming readiness for professional mobility. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya [Perspectives of Science & Education]*, 2(32), 175–180. (in Russian)
- Gabdrakhmanov, N. K., Nikiforova, N. Yu., & Leshukov, O. V. (2019). "Ot Volgi do Eniseya...": obrazovatel'naya migratsiya molodezhi v Rossii ["From Volga to Yenisei...": educational migration of youth in Russia]. Moscow: HSE Publishing House.
- Hatton, T. (2020). Public opinion on immigration in Europe: Preference and salience. *European Journal of Political Economy*, 66(15), Article 101969. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101969>
- Haynes, K. E., & Fotheringham, A. S. (2020). *Gravity and spatial interaction models* [Reprint]. WVU Research Repository. <https://researchrepository.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1010&context=rri-web-book>
- Kondratyuk, N. G., Burmistrova-Savenkova, A. V., & Morosanova, V. I. (2023). What determines professional plans in high school students. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 20(3), 500–522. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-500-522> (in Russian)
- Kozhevina, A. P. (2017). Projective method in research of semantic component of personality innovation potential. *Psikhologiya v Ekonomike i Upravlenii [Psychology in Economics and Management]*, 9(2), 63–73. [https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9\(2\).63-73](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9(2).63-73) (in Russian)
- Kryukova, T. L., Gushchina, T. V., Saporovskaya, M. V., & Petrova, E. A. (2012). *Psikhologiya mezh-pokolennykh otnoshenii: konflikty i resursy* [Psychology of intergenerational relations: conflicts and resources]. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University.
- Kuznetsova, S. A. (2018). Time prospects and migratory attitudes of Magadan students at different stages of education. *Vestnik RUDN. Seriya "Psikhologiya i pedagogika" [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]*, 1, 67–78. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78> (in Russian)
- Kuznetsova, S. A., Kuznetsov, I. U., & Feschenko, A. V. (2014). Working out Migratory Attitudes Scale of Personality. *Vestnik RUDN. Seriya "Psikhologiya i pedagogika" [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]*, 1, 83–90. (in Russian)
- Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). *Test zhiznestoikosti. Metodicheskoe rukovodstvo po novoi metodike psikhologicheskoi diagnostiki lichnosti s shirokoi oblast'yu primeneniya* [Hardiness Survey. Methodological guide to a new method of psychological diagnostics of personality with a wide range of applications. Designed for professional research psychologists and practitioners]. Moscow: Smysl.
- Lepekhin, N. N., Kruglov, V. G., Kruglova, M. A., Tikhomirova, N. V., & Iashina, M. A. (2023). Dispositional predictors of students' conflict resilience. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo*

- [*Social Psychology and Society*], 14(1), 92–110. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140106> (in Russian)
- Maenkova, A. D. (2021). Dispozitsionnye prediktory korruptsionnogo povedeniya v starshem shkol'nom vozraste [Dispositional predictors of corrupt behavior in high school age]. In *Sovremennaya real'nost' v sotsial'no-psikhologicheskom kontekste – 2021: Sbornik nauchnykh trudov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Modern reality in the socio-psychological context – 2021: Collection of scientific papers of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation], Novosibirsk, March 17–18, 2021 (pp. 229–235). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
- Malenova, A. Yu., Potapova, Yu. V., Malenov, A. A., & Potapov, A. K. (2022). Socio-demographic portrait of Omsk schoolchildren with different types of migration attitudes. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya "Ekonomika" [Herald of Omsk University. Series "Economics"]*, 20(3), 127–139. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(3\).127-139](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(3).127-139) (in Russian)
- Miklyaeva, A. V., & Postnikova, M. I. (2019). A socio-psychological structure of intergenerational relationships of students. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 10(2), 114–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100209> (in Russian)
- Murashchenkova, N. V. (2021). Interrelation of values and emigration intentions of student's youth of Smolensk. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(1), 77–93. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106> (in Russian)
- Nalivaiko, T. V. (2006). K voprosu osmysleniya kontseptsii zhiznestoikosti S. Maddi [On the issue of understanding the concept of hardiness by S. Maddi]. *Vestnik Integrativnoi Psikhologii: Zhurnal dlya Psikhologov*, 4, 211–216.
- Nurullina, A. R., Nikiforov, S. A., Popova, N. M., & Shevchenko, I. G. (2020). Migratsionnye ustanovki studentov meditsinskikh vuzov [Migration attitudes of medical university students]. *Modern Science*, 12(3), 185–190.
- Petrova, Yu. V. (2022). Career orientations and certainty of professional choice among adolescents with different levels of Internet addiction. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie Obzory i Sovremennye Issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches]*, 11(2A), 72–81. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.18.69.048> (in Russian)
- Plopeanu, A.-P., Homocianu, D., Mihăilă, A.A., Crisan, E. L., Bodea, G., Bratu, R.-D., & Airinei, D. (2018). Exploring the influence of personal motivations, beliefs and attitudes on students' post-graduation migration intentions: Evidence from three major Romanian universities. *Applied Sciences*, 8(11), Article 2121. <https://doi.org/10.3390/app8112121>
- Polovinko, V. S., & Arbuz, A. V. (2018). Migration intentions in the context of regional labour market. *Journal of New Economy*, 19(1), 38–50. (in Russian)
- Potapova, Y. V., Malenova, A. Y., Malenov, A. A., & Potapov, A. K. (2023). Gender features of migration attitudes of Omsk gifted schoolchildren with different levels of resilience and subjective Well-being. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 28(1), 112–121. <https://doi.org/10.17759/pse.2023280106> (in Russian)
- Puchkova, E. B., Temnova, L. V., Sorokoumova, E. A., & Kurnosova, M. G. (2019). Relationship between values and career orientations in modern adolescents. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 24(5), 27–36. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240503> (in Russian)
- Reznichenko, S. I., Nartova-Bochaver, S. K., & Kuznetsova, V. B. (2016). The instrument for assessment of home attachment. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 13(3), 498–518. (in Russian)

- Rybakovsky, O. L. (2022). *Zakonomernosti i osobennosti mezhregional'nykh migratsionnykh svyazei naseleniya Rossii za 50 let* [Patterns and features of interregional migration connections of the Russian population over 50 years]. Moscow: FNISTS RAN.
- Ryff, C. D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57, 1069–1081.
- Samokhvalova, A. G., Shipova, N. S., Tikhomirova, E. V., & Vishnevskaya, O. N. (2022). Psychological well-being of modern students: typology and targets of psychological help. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 30(1), 29–48. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300103> (in Russian)
- Saporovskaya, M. V. (2014). *Psikhologiya mezhpokolennykh otnoshenii v sem'e* [The psychology of intergenerational relationships in the family]. Moscow: Natsional'nyi knizhnyi tsentr.
- Saventsev, G. V., Flaot, N. S., Egorov, D. V., & Kazantsev, D. A. (2022). Factors of migration growth in modern Russia's regions. *Social'nye i Gumanitarnye Znaniya*, 8(2), 162–177. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177> (in Russian)
- Scherschel, K., & Immerfall, S. (2021). Migration, ethnic conflicts, and racism. In *The Blackwell encyclopedia of sociology*. Wiley. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosm100.pub2>
- Shagalkina, M. V., Latukha, M. O., Mitskevich, E. A., & Strogetskey, E. V. (2020). Factors of migration intentions of talented graduates from leading Russian universities. *Rossiiskii Zhurnal Menedzhmenta [Russian Management Journal]*, 17(4), 445–466. (in Russian)
- Shamionov, R. M. (2014). Ethno-cultural factors of person's subjective well-being. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(4), 68–81. (in Russian)
- Shamionov, R. M. (2023). Subjective well-being in its relation to various forms of activity of the student youth. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 12(1), 34–39. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-1-34-39>
- Shamionov, R. M., & Beskova, T. V. (2018). Methodology for diagnostics of the subjective well-being of a person. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 11(60), 8. <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277> (in Russian)
- Zaikov, K. S., Katorin, I. V., & Tamitskii, A. M. (2018). Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 11(3), 230–247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15> (in Russian)